

Генеральная Ассамблея

Официальные отчеты

Специальный комитет по вопросу о ходе осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам

1443-е заседание

Вторник, 11 июля 1995 года, 10 ч. 00 м.
Нью-Йорк

Исполняющий обязанности Председателя: г-н Бангура (Сьерра-Леоне)

Заседание открывается в 10 ч. 50 м.

Вопрос о Гибралтаре (A/AC.109/2025)

Председатель (*говорит по-английски*): Вниманию Комитета предлагается рабочий документ, который был подготовлен Секретариатом и содержится в документе A/AC.109/2025.

Я хочу сообщить членам Комитета, что делегация Испании заявила о своем желании участвовать в рассмотрении Комитетом этого вопроса. В соответствии с установившейся практикой, если не будет возражений, я попрошу представителя Испании занять место за столом Комитета.

По приглашению Председателя г-н Перес Гриффо (Испания) и члены его делегации занимают место за столом Комитета.

Председатель (*говорит по-английски*): В связи с этим пунктом повестки дня я хочу сообщить Комитету о том, что главный министр Гибралтара Досточтимый Джо Боссано выразил пожелание выступить с заявлением. С согласия членов Комитета и в соответствии с существующей процедурой я предлагаю Комитету позволить ему сделать заявление.

Решение принимается.

По Приглашению Председателя г-н Джо Боссано, главный министр Гибралтара, занимает место за столом Комитета.

Председатель (*говорит по-английски*): Я предоставляю слово главному министру Гибралтара.

Г-н Боссано (*говорит по-английски*): Я хочу поблагодарить Вас, г-н Председатель, за предоставленную мне возможность вновь обратиться к Специальному комитету от имени народа Гибралтара.

В прошлом месяце мы отмечали пятидесятилетие подписания Устава Организации Объединенных Наций. Вопрос о деколонизации стоял в самом центре работы Организации Объединенных Наций и стал фактором роста численности ее членов с 51 до 185. Гибралтар почти с самого начала принимал в этом участие. В 1946 году Соединенное Королевство представило Гибралтар в качестве самоуправляющейся территории, относительно которой оно будет представлять доклады Организации Объединенных Наций согласно статье 73 е Устава. Начиная с 1963 года оно представляло такие доклады, которые рассматривались этим Комитетом.

Решение моего правительства добиваться осуществления права гибралтарского народа на самоопределение и деколонизацию путем прямого представительства в этом Комитете и в Четвертом комитете явилось решающим моментом в развитии

В настоящем отчете содержатся тексты выступлений на русском языке и тексты устных переводов выступлений на других языках. Поправки должны представляться только к текстам выступлений на языке подлинника. Они должны включаться в один из экземпляров отчета и направляться за подписью одного из членов соответствующей делегации на имя начальника Службы стенографических отчетов (Chief, Verbatim Reporting Service, room C-154A). Поправки будут изданы после окончания сессии в виде сводного исправления.

народа территории применительно к этим вопросам. Как я говорил в моем первом выступлении перед Специальным комитетом в 1992 году, в течение 25-летнего перерыва Гибралтар не стремился высказать свое мнение в этом Комитете. В результате этого сложилось ошибочное впечатление о том, что Специальный комитет безучастно и, может быть, даже враждебно относится к чаяниям жителей Гибралтара.

Я рад сообщить о том, что сейчас ситуация полностью изменилась. Этот Комитет, как это и должно быть, теперь явно рассматривается как орган, который реагирует на мнения, высказываемые колониальными народами, и приветствует возможность выслушать такие мнения, чтобы оказаться в более выгодном положении для решения вопросов деколонизации, уделяя первоочередное внимание пожеланиям народа территории по сравнению с любыми другими факторами.

Как известно членам Комитета, мы на территории широко освещаем работу Специального комитета и мои выступления в Организации Объединенных Наций в соответствии с положениями Устава и резолюциями Организации Объединенных Наций. В результате такого распространения информации о программе деколонизации и Плане действий среди жителей Гибралтара укрепились надежды на то, что, наконец-то, наша 31-летняя борьба за признание нашего права на нашу землю продвигается вперед.

В прошлом году я сообщил Комитету о том, что празднование Национального дня Гибралтара вызвало взрыв эмоций у повзрослевшего народа, что стало выражением таких чувств, какие возникают в других местах мира в процессе деколонизации. Говорят, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Когда члены Комитета посмотрят представленные мной видеопленки о Национальном дне 1994 года, они тут же узнают то, что для испытавших освобождение от колониализма было частью их собственной истории.

Если бы выездная миссия Специального комитета присоединилась к нам во время празднования в сентябре этого года, то у ее членов, несомненно, не осталось бы никаких сомнений в подлинности нашей национальной самобытности. Поэтому я говорю: «Приезжайте в Гибралтар и примите участие в нашем Национальном дне». Те, кто сомневается,

утратят всякие сомнения. Все, кто присоединился к нам в 1994 году, — ведущие политики из Соединенного Королевства, Испании, Португалии, Латинской Америки и Нидерландов — были убеждены тем, что увидели, и они поддержали наше дело.

То, что мы сейчас видим на Гибралтаре, можно охарактеризовать словами резолюции 1514 (XV), в которой признается, что «народы всего мира горячо желают покончить с колониализмом во всех его проявлениях». Говоря также словами резолюции 1541 (XV), Принципа II Приложения, это пример динамического состояния эволюции и прогресса в направлении к самоуправлению. Эти две ключевые резолюции управляли процессом деколонизации со времени его зарождения.

Помимо развития событий внутри страны, мы рассказываем о нашем вопросе за рубежом, причем не только в Четвертом комитете и в Специальном комитете, но и в Женеве, в комитете по контролю за соблюдением Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, в управляющей державе, на открытии Конференции по зависимым территориям и в соседней стране, Королевстве Испании.

За прошедший год я выступал на семинарах на юридическом факультете университета Гранады, в Севилье, где я выступал перед организацией, которая представляет руководителей делового сообщества в близлежащей провинции Андалузии, в Мадриде, где я выступал в национальной организации, которая называется Клуб «Siglo XXI» и представляет интеллектуалов из различных сфер жизни королевства Испании. Во всех этих случаях я пытался продемонстрировать тем, кто формирует общественное мнение в этой соседней стране, не только неудержимое стремление жителей Гибралтара к признанию их права на самоопределение и к деколонизации нашей страны, но и наше желание жить в гармонии с Королевством Испанией и сотрудничать с ним.

Осознание реальности культурного своеобразия и собственного характера нашего народа сейчас приобретает все большее признание в Испании и изменяет отношение к Гибралтару в этой стране. К сожалению, хотя это и происходит в обществе, это не находит отражения в официальных кругах, где все наши усилия, направленные на распространение дела деколонизации и на участие в ликвидации

колониализма к 2000 году, как во внутреннем, так и во внешнем плане, лишь приводит к росту враждебности со стороны правительства. Они рассматривают усилия моего правительства, предпринимаемые от имени моего народа, как угрозу их цели аннексии Гибралтара и присоединения его к суверенитету Испании.

Ни одно другое правительство и ни одна колониальная территория не затратили столько усилий для того, чтобы осуществить право на деколонизацию, как это сделали мы с 1992 года. Соответствует истине и то, что ни одна другая колониальная территория сегодня не сталкивается с такими сложностями, добываясь самоопределения. Для того чтобы удовлетворить наши чаяния и добиться целей этого Комитета по ликвидации колониализма к 2000 году, нам понадобится помощь Комитета.

Теперь я хочу перейти к отношениям с управляющей державой. Конституция Гибралтара, как и конституции большинства британских колоний, по сути, делит политическую ответственность между правительством территории, которое занимается вопросами внутренней политики, и управляющей державой, которая занимается внешними сношениями. В случае с Гибралтаром это привело к непредвиденным последствиям в том, что касается обязательств Европейского союза по отношению к Гибралтару как единственной колонии, присоединившейся к Европейскому сообществу в 1973 году вместе с Соединенным Королевством.

Принять точку зрения о том, что вопросы, возникающие в связи с нашим членством в Европейском союзе, — это вопросы внешней политики, было бы шагом назад с точки зрения конституции, сводя на нет реестр внутренних дел и производя эффект реколонизации, что противоречит положениям статьи 73 *b* Устава, согласно которому Соединенное Королевство призвано развивать самоуправление на территории.

После последних общих выборов, на официальном открытии седьмой палаты собрания Гибралтара 15 февраля 1992 года губернатор Гибралтара сказал:

«Правительство проводит обзор указа Конституции Гибралтара от 1969 года, с тем чтобы внести в него последние изменения и отразить развитие отношений за последние 20 лет между правительством Ее Величества в

Соединенном Королевстве и правительством Гибралтара, а также изменения в Европейском сообществе (ЕС). Правительство Гибралтара будет стремиться незамедлительно начать обсуждение этого сложного вопроса с правительством Ее Величества».

Сложность вопроса заключается в том, что его постоянное обсуждение с 1992 года все еще не завершено. Само правительство Соединенного Королевства признало эти трудности. На Конференции зависимых территорий в ноябре 1993 года министр иностранных дел охарактеризовал ситуацию с Гибралтаром как

«чрезвычайно сложную ввиду взаимосвязи с Европейским союзом».

Хотя в 1993 году было достигнуто широкое согласие по вопросу о демаркации границ между управляющей державой и нами в плане внесения обязательств Европейского союза в национальное законодательство Гибралтара, все еще остаются нерешенные вопросы, требующие урегулирования.

Тем не менее правительство моей страны считает возможным достижение взаимоприемлемого баланса, который защитит позицию Соединенного Королевства с точки зрения его ответственности в отношении Гибралтара в Европейском союзе и в то же время защитит автономию правительства моей страны без нанесения ущерба нашим конституционным прерогативам.

Очевидно, что членство Испании в Европейском союзе с 1986 года является фактором, еще более усложняющим проблемы. Мы вполне осознаем трудности, с которыми сталкивается управляющая держава в надлежащей защите наших интересов, испытывая постоянное давление в рамках Европейского союза со стороны Испании. Однако осознание этих трудностей не может помешать нам отстаивать наши права в соответствии со статьей 73 Устава.

Я знаю, что главная жалоба в отношении меня в Лондоне заключается в том, что я проявляю целеустремленность, ставя вопрос о Гибралтаре и моем народе на первое место в своих отношениях с управляющей державой. Я признаю это, но не прошу прощения. Это то, что мой народ, избравший меня, поручил мне делать.

Позиция испанского правительства заключается в беззастенчивом использовании любой возмож-

ности в рамках Европейского союза, чтобы оказать давление на Соединенное Королевство, а через Соединенное Королевство — на нас. Цель состоит в ограничении утверждения национального сознания гибралтарского народа и его стремления к самоопределению и деколонизации, в вопиющем нарушении Королевством Испании ответственности согласно Уставу Организации Объединенных Наций и соответствующего Пакта о правах человека, в отношении которого Испания является государством-сигнатарием и действенность которого безоговорочно распространяется на Гибралтар.

Я хотел бы напомнить Комитету, что когда Испания возражала против включения испанских анклавов Сеута и Мелилла в перечень самоуправляющихся территорий и отказалась применять к ним требования отчетности Организации Объединенных Наций в этом Комитете, она делала это исключительно на том основании, что у них общая идентичность. Довод Испании заключается в том, что спор с Марокко — это территориальный спор по поводу испанских городов. Испания утверждает, что их географическое местоположение не делает их колониями. Тот факт, что они интегрированы в испанское государство, что граждане этих городов имеют идентичный статус с гражданами испанской метрополии, что национальные законы Испании применяются без какого-либо различия точно так же, как они применяются на остальной национальной территории, — все это говорит о том, что они не являются самоуправляющимися территориями.

Напротив, Испания всегда считала, что статья 73 Устава применяется к населению территории Гибралтар. Принцип IV приложения к резолюции 1541 (XV) гласит:

«Prima facie существует обязательство передавать информацию о тех территориях, которые географически расположены отдельно и отличаются в этническом и (или) культурном отношении от управляющей ими страны». *(Резолюция 1541 (XV), приложение, Принцип IV)*

Это дает нам основание считать себя народом как таковым. Мы не иностранные экспатрианты, живущие на юге Испании, как они продолжают считать нас. Мы имеем право на нашу землю, и мы полны решимости отстаивать это право.

Хотя нет сомнений в том, что согласно международному праву Гибралтар и его народ представляют собой отличную от управляющей им державы общность, правительство Испании продолжает действовать так, как если бы это было иначе. Оно возражает против участия спортивных обществ Гибралтара в международных соревнованиях. Оно отказывается признать вступление Королевской гибралтарской полиции в Интерпол. Его учреждения по надзору за исполнением законов зачастую не сотрудничают с судебной системой Гибралтара. Оно не признает удостоверяющие личность документы, выданные правительством моей страны, вопреки обязательствам Европейского союза. Наконец, оно не разрешает даже участвовать нашим собакам в международных выставках собак.

Такая линия поведения, вызывающая осуждение со стороны правительства моей страны, противоречит духу Устава Организации Объединенных Наций. Это противоречит резолюции 2131 (XX) от 21 декабря 1965 года и резолюции 2625 (XXV) от 24 октября 1970 года, в которых содержится призыв к странам-членам не оказывать никакого давления на самоуправляющиеся территории и дать им возможность осуществлять свое право на самоопределение.

Испания не делает секрета из того факта, что мое выступление в этом Комитете, мои представления в Четвертый комитет, мое выступление в Женевском Комитете, созданном согласно Пакту о правах человека, мое участие в совещании Международного валютного фонда (МВФ) в составе делегации Соединенного Королевства и все попытки правительства моей страны поощрять утверждение национальной самобытности моего народа в соответствии с резолюциями Организации Объединенных Наций рассматриваются как враждебные испанскому народу акции.

Мы, граждане Гибралтара, не можем быть лишены права на освобождение от колониализма. Разногласия между Королевством Испания и Соединенным Королевством относительно Гибралтара, существование которого было признано этим Комитетом в 1964 году, никогда не преследовали и не могли преследовать цель провозглашения доктрины, лишаящей мой народ права на самоопределение. Защищая это право, правительство моей страны всегда стремится четко обусловить, что требо-

вание признать наше право как народа — это не враждебный акт в отношении нашего соседа.

В октябре этого года представитель Германии выступал в Четвертом комитете от имени Европейского союза. Он сказал, что:

«Европейский союз заявляет о своей поддержке принципа самоопределения и действий, совместимых с Уставом и направленных на ликвидацию колониализма независимо от географического месторасположения и размеров населения остающихся самоуправляющихся территорий».

Я уже говорил о том, что мы являемся членами Европейского союза и что наше членство в Союзе затрагивает колониальные взаимоотношения между нами и управляющей державой в охарактеризованных мною отношениях. Поскольку мы находимся в составе Союза, только что процитированное мною заявление представителя Германии, являющегося Председателем Союза, сделано, в том числе, и от нашего имени. Касаясь текста, представленного Специальным комитетом, он далее сказал:

«Данный текст исходит главным образом из предпосылки о том, что все самоуправляющиеся территории не смогли осуществить свое право на самоопределение исключительно ввиду того, что это право не признается управляющей державой».

Ирония состоит в том, что это заявление делается от имени гибралтарцев, которые являются гражданами Союза, когда это непосредственно касается самих гибралтарцев, которые подвергаются дискриминации такого рода со стороны управляющей державы, отказывающей им в праве на самоопределение из-за Договора от 1713 года.

Гибралтар — единственная британская колония в такой ситуации. Им отказывают в праве на самоопределение не по причине притязаний Испании на эту территорию. Существует также территориальное требование Аргентины в отношении Фолклендских островов. Несмотря на это, Конституция 1985 года предоставила Островам неотъемлемое право на самоопределение. Единственный аргумент, используемый Соединенным Королевством в нашем случае, основывается на Утрехтском договоре 1713 года.

Иногда этот аргумент приводится не в самой заметной форме. К примеру, в заявлении Соединенного Королевства от октября 1994 года в Четвертом комитете, содержащем ссылку на доклад этого Специального комитета, говорится:

«В жестких рамках договорных обязательств мы приветствуем признание, что в конечном счете народ самоуправляющейся территории решает свой будущий статус».

Фраза «в жестких рамках договорных обязательств» была ссылкой на Гибралтар, хотя он не был назван. Может ли Соединенное Королевство честно признать, что существует жесткость, вызываемая договорными обязательствами, не допускающая такого же подхода по отношению к Гибралтару, который понимается Соединенным Королевством как правильный в отношении любой другой колониальной территории?

Что же это за Договор, о котором мы ведем речь? Это Договор, который был подписан в последние несколько лет? Это Договор, который связан с созданием Европейского союза? Это Договор, имеющий отношение к современному международному праву? Нет. Это Договор, подписанный в 1713 году. Постановляющая часть — это статья X Договора о мире и дружбе между Великобританией и Испанией, подписанного в Утрехте 13 июля 1713 года. Статья X содержит ссылку на то, что должно произойти с Гибралтаром в будущем, где говорится:

«В том случае если впоследствии Короне Великобритании представится необходимым передать, продать или отторгнуть право собственности на вышеуказанный город Гибралтар, данным документом согласовывается и заключается, что предпочтение на владение вышеупомянутым городом всегда будет предоставляться испанской Короне прежде всех других». (*Утрехтский договор, статья X*)

Однако статья X также излагает следующее условие:

«И Ее Британское Высочество по просьбе католического короля дает разрешение и согласие на то, что ни под каким предлогом не будет предоставляться разрешение евреям или маврам на проживание или расположение сво-

их жилищ в указанном городе Гибралтаре». (там же)

Это условие не соблюдается. Никто не будет оспаривать того факта, что оно должно соблюдаться. Ясно, что это грубое нарушение прав человека, противоречащее Уставу Организации Объединенных Наций и декларациям о правах человека. Но разве это то договорное обязательство, которое служит помехой Соединенному Королевству как управляющей державе и требует от него проводить дискриминацию на Гибралтаре среди христиан, евреев и мусульман? Далее, если это конкретное нарушение прав человека не остается в силе, как можно утверждать, что другие положения в той же статье, которые также представляют собой нарушение прав человека на самоопределение народа несамоуправляющейся территории, по-прежнему имеют законность и остаются в силе? Вот Договор, о котором идет речь.

В 1995 году именно это лишает мой народ основных прав по Уставу Организации Объединенных Наций. Я полагаю, что ожидать, чтобы этот аргумент принимался всерьез, будет оскорблением для любого разумного человека. Однако именно этого ожидают от нас.

В других аргументах ставится под вопрос законность этого аргумента. Я процитирую из книги, написанной в 1983 году Говардом Леви, озаглавленной «Статус Гибралтара». Профессор Леви является заслуженным профессором в области международного права на кафедре права Университета Сент-Луиса. В своих замечаниях о Договоре он говорит следующее:

«Как представляется, Испания занимает позицию, в соответствии с которой в отличие от других договоров и соглашений прошлых веков, которые приводили к возникновению колониальных ситуаций ... есть нечто святое относительно Утрехтского договора».

После анализа ситуации он приходит к следующему выводу:

«Каким образом колониальная ситуация на Гибралтаре отличается от той, которая существовала в [четыре других] бывших колониях, когда не пояснялось в достаточной мере».

В ноябре 1988 года на тридцать четвертой сессии Комитет по правам человека отметил, что Меж-

дународный пакт о гражданских и политических правах был открыт для подписания в 1976 году и что и Испания, и Соединенное Королевство стали его участниками. В рамках Пакта обе страны обязались содействовать самоопределению в остающихся зависимыми территориях. Соединенному Королевству в 1988 году было указано, что в том, что касается выбора Гибралтара, таковой не может ограничиваться сохранением статуса колонии или превращения его в испанскую колонию на основе Утрехтского договора.

Вслед за этим в ноябре прошлого года, когда я представлял этот вопрос в Женеве в Комитете Организации Объединенных Наций, который контролирует осуществление Международного пакта 1976 года об экономических, социальных и культурных правах, я напомнил о части I этого Пакта. В 1976 году Соединенное Королевство распространило положения этого Пакта на Гибралтар без всяких оговорок. Мы не заставляли их этого делать. Они сделали это свободно и добровольно. Часть I, пункт 3, гласит:

«Все участвующие в настоящем Пакте государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление несамоуправляющимися и подопечными территориями, должны в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

Это обязательные положения. Это международное право. Здесь не говорится о том, что Соединенное Королевство может действовать, если ему это заблагорассудится и если это не создаст каких-либо проблем. Здесь говорится, что оно будет действовать таким образом. Здесь говорится о том, что оно будет поощрять, а не отказываться выполнять эти положения. Как далеко можно отойти от поощрения? Если отрицать, то перейдешь на противоположную сторону. Оно в равной мере носит обязательный характер для Королевства Испании, которое также подписало этот документ без оговорок относительно Гибралтара.

Ответ Комитета в прошлом году был весьма ободряющим. Я полагаю, что, по-видимому, внимание этого Комитета не было привлечено управляющей державой к этому факту, поскольку это не отражено в рабочих документах Секретариата. Один

из членом Комитета, немецкий профессор международного права, задал следующий вопрос британскому делегату:

«Мой вопрос — прямой и простой. Считает ли Соединенное Королевство, что в 1994 году, то есть через 290 лет после заключения Утрехтского договора, данный вами ответ по-прежнему достаточный? Я имею в виду ответ, данный вами относительно Гибралтара относительно того, что любые изменения его статуса должны учитывать положения Утрехтского договора? Мы располагаем Договором 1713 года, и если Испания не согласится на самоопределение, нет никаких вариантов относительно Гибралтара. Мне интересно, остается ли это по-прежнему в силе?».

Делегация Великобритании ответила — по-моему, несколько нескладно — следующее:

«Я могу лишь сказать, что мнение правительства Соединенного Королевства и испанского правительства заключается в том, что именно это положение Утрехтского договора по-прежнему действует, по-прежнему имеет обязательную силу и является препятствием для перехода Гибралтара к независимости, а не к самоуправлению».

Означает ли это, что гибралтарцы могут осуществить самоопределение при условии, что они должны сделать выбор между интеграцией, свободной ассоциацией или избрать четвертый вариант, признанный Организацией Объединенных Наций; и что в таком случае этот вопрос является вопросом отношений исключительно между нами и управляющей державой, и Испания не имеет права вмешиваться в его решение; и считается ли, что это мнение разделяет Испания? Результатом этих обсуждений явилось то, что Комитет впервые включил в свой заключительный доклад замечания по Гибралтару, которые, насколько я полагаю, Специальному комитету необходимо принять во внимание:

«Комитет отмечает обеспокоенность относительно ситуации на Гибралтаре в связи с правом на самоопределение, которое признается в статье I Пакта, и в сложившейся ситуации призывает все соответствующие стороны в сложившейся ситуации обеспечить полное уважение всех прав, признанных в Пакте, от-

носителю будущих событий, касающихся Гибралтара». (E/1995/22, пункт 272)

Я думаю, что это самый обнадеживающий ответ, который мы когда-либо получали от органа Организации Объединенных Наций.

Также в ноябре 1994 года аналогичный вывод был сделан в документе Университета Фордама. В результате исчерпывающего исследования правовых вопросов его автор Саймон Дж. Линкольн пришел к выводу, что народ Гибралтара имеет право на самоопределение. Он призвал Организацию Объединенных Наций не учитывать анахронистские, потерявшие свою актуальность положения Утрехтского договора и признать основополагающее право Гибралтара. В мае этого года я опубликовал статью в «Журнале по вопросам международного права», в которой изложил аргументы, известные Комитету. Я распространю в Комитете ее копии.

По существу есть три, а не один, варианта последствий Утрехтского договора на процесс деколонизации в случае Гибралтара. Один вариант — тот, который статья в «Журнале по вопросам международного права» опровергает, — отражает позицию, занимаемую Королевством Испания. Испанская позиция заключается в том, что строгое соблюдение буквы статьи X Утрехтского договора не оставляет жителям этой колонии никакого выбора. В соответствии с этим мнением пожелания народа Гибралтара irrelevantны. Мнение Королевства Испания заключается в том, что Гибралтар должен оставаться британской колонией до тех пор, пока он не будет передан Испании. С нашей точки зрения, Испания говорит о том, что Гибралтар не будет избавлен от колониализма; что единственное, что может произойти с Гибралтаром, — это смена управляющей державы, т.е. Королевство Испания сменит Соединенное Королевство в качестве управляющей державы. Предложения испанского правительства, сделанные британскому правительству в 1985 году в Женеве, заключаются в том, что нынешняя колониальная конституция останется, а Королевство Испания придет на смену Соединенному Королевству.

Я полагаю, что Комитет согласится с тем, что это толкование можно расценивать как жесткий вариант, представляющий крайне жесткую позицию против самоуправления и самого решительного отрицания положений Устава, пактов о правах чело-

века и резолюций Организации Объединенных Наций. Королевство Испания утверждает, что это мнение разделяет и Соединенное Королевство.

Эта позиция Испании была подтверждена совсем недавно, а именно на прошлой неделе на семинаре, состоявшемся в Мадриде, на котором г-н Спитери — представитель испанского правительства, принимавший участие в семинаре, сказал, что мы — гибралтарцы должны помнить о том, что в нашем свидетельстве о рождении значится «Утрехт». Я заявляю этому Комитету, что в нашем свидетельстве о рождении должна значиться «Глава XI Устава Организации Объединенных Наций», т.е. то же свидетельство о рождении, которое получили все колониальные народы, заложившее основу международному признанию прав колониальных народов.

Второй вариант — это вариант, отраженный в ответе, представленном в 1988 году делегацией Соединенного Королевства Комитету по контролю за выполнением Международного пакта о гражданских и политических правах, который я уже цитировал. Этот второй вариант вновь прозвучал 19 апреля этого года в Палате лордов в ответ на вопрос парламентария. В ответ на него баронесса Чолкер изложила позицию правительства Великобритании в отношении Гибралтара:

«Наша политика всегда состояла в том, что, хотя мы и поддерживаем принцип права на самоопределение, отражающий пожелания соответствующего народа, оно должно осуществляться наряду с другими принципами и правами, содержащимися в Уставе Организации Объединенных Наций, а также другими договорными обязательствами. В случае Гибралтара право на самоопределение ограничивается Утрехтским договором».

Этот второй вариант вместо того, чтобы отказывать в самоопределении, просто обходит его. Похоже, что он говорит о сокращении вариантов и возможностей выбора для гибралтарцев, но он не лишает нас вообще какого-либо права выбора.

Существует и третья позиция, которая еще лучше. Когда министр иностранных дел Дуглас Хэрд выступал на конференции по неподопечным территориям, организованной совместно Фолклендскими островами и нами в ноябре 1993 года в Лондоне, когда речь зашла о Гибралтаре, он сказал:

«Во-вторых, что, возможно, менее очевидно, независимость не является практически осуществимым вариантом для Гибралтара без согласия его соседа. Поэтому он не имеет неограниченных возможностей выбора собственного статуса».

Возможности выбора не равнозначны законному праву. И поэтому здесь мы имеем дело с определением, не связанным с Утрехтским договором. Не ограничивает ли само наличие враждебно настроенного соседа неограниченные возможности выбора, что противоречит нашим законным правам, и без Договора. Не так ли обстояло дело в Белизом, который на протяжении многих лет не мог осуществить свое право на самоопределение и независимость из-за ограничений вследствие территориальных притязаний соседней Гватемалы? Не так ли обстояло дело с жителями Фолклендских островов, которые чувствуют себя стесненными в деле своего самоопределения притязаниями Аргентины, хотя в их случае Соединенное Королевство неоднократно заявляло, что они имеют на это право, и это даже записано в их конституции 1985 года?

В пункте 2 резолюции 46/181, провозглашающей Международное десятилетие за искоренение колониализма, Генеральная Ассамблея заявила, что:

«... конечной целью Международного десятилетия за искоренение колониализма является свободное осуществление права на самоопределение народами всех оставшихся несамоуправляющихся территорий согласно резолюции 1514 (XV) и всем другим соответствующим резолюциям и решениям, принятым Генеральной Ассамблеей». (Резолюция 46/181, пункт 2)

Если мы являемся одной из территорий, включенных в число «всех оставшихся ... территорий», не является ли это опровержением аргументов Утрехтского договора?

После 1992 года я ограничиваю свое ежегодное выступление ознакомлением Комитета с точками зрения моего правительства и кратким отчетом деятельности, осуществленной для продвижения вперед нашего собственного процесса деколонизации.

На Тринидадской конференции, в которой я участвовал по приглашению Комитета, мы совмест-

но рассмотрели с членами этого Комитета возможности, открытые для 17 остающихся самоуправляющихся территорий. Мне представляется аксиомой, что мое участие в семинаре было основано на положении, что Гибралтар располагает вариантами. То, о чем я говорил сегодня, и то, о чем я говорил на семинаре, сводится к тому, что самый мощный и позитивный вклад, который Специальный комитет может внести в случае Гибралтара, если мы действительно хотим добиться прогресса в деле деколонизации до конца века, состоит в выражении мнения по ограничениям, если они существуют, в Утрехтском договоре. Я четко заявил на семинаре в Тринидаде и Тобаго, что в ходе моего выступления на этой неделе я мог бы обратиться с официальной просьбой к этому Комитету рассмотреть данный вопрос. Семинар, в своем окончательном докладе, предложил Комитету представить эту просьбу Бюро и рассмотреть ее.

Я считаю, что, если Комитет просит мое правительство и мой народ рассмотреть открытые для них возможности в плане деколонизации, с тем чтобы они могли осуществить самоопределение в выборе между этими вариантами до 2000 года, тогда мы должны знать, какие, по мнению этого Комитета, имеются возможности. Если так считает Комитет, в том что касается его круга ведения, он должен руководствоваться Уставом Организации Объединенных Наций, Пактами по правам человека и резолюциями 1514 (XV) и 1541 (XV) в том числе, а не каким-либо рассмотрением Утрехтского договора, тогда нам важно знать это.

Если Комитет считает, что он не может выразить своей точки зрения, так или иначе, на Утрехтский договор, тогда мы хотели бы, чтобы Комитет сообщил, какой форум в рамках Организации Объединенных Наций компетентен вынести постановление по этому вопросу. Очевидно, если испанская интерпретация Утрехтского договора имела бы силу, тогда, как я уже отметил, мы по сути говорили бы, что невозможно провести деколонизацию Гибралтара. Если дело действительно обстоит так, тогда мне кажется, что нет смысла сохранять его в списке неправительственных территорий, требующих окончательной деколонизации, поскольку такой результат невозможен из-за Утрехтского договора.

Нет необходимости говорить, что мы абсолютно убеждены в том, что такая интерпретация

является неправильной. Мое правительство твердо считает, что представленный нами случай является неопровержимым. Мы высказывали свои аргументы в искреннем убеждении, что этот Комитет, по-видимому, не может согласиться с тем, что он должен учитывать положения 300-летнего договора при рассмотрении своей ответственности по отношению к Гибралтару и его народу.

Я обращаю внимание Комитета на то, что то, что я прошу его сделать, выразив свое мнение на актуальность Утрехтского договора, — это всего лишь то, что он должен сделать в соответствии со своим мандатом в отношении осуществления Международного десятилетия за искоренение колониализма. В докладе Генерального секретаря, представленном Генеральной Ассамблее на ее сорок шестой сессии в ноябре 1991 года, заявляется:

«Международное сообщество должно стремиться к обеспечению народам самоуправляющихся территорий возможности осуществить их неотъемлемое право на самоопределение и принять решение о своем будущем политическом устройстве в условиях полной осведомленности и информированности обо всем в комплексе имеющихся в его распоряжении политических альтернатив, включая независимость». (A/46/634/Rev.1, приложение, пункт 4)

Я начал с упоминания празднования по случаю пятидесятой годовщины в этом году. Когда я принял участие в праздновании в Соединенном Королевстве, премьер-министр этой страны напомнил нам всем, что при основании Организации Объединенных Наций Уинстон Черчилль сказал:

«Мы должны обеспечить, чтобы эта всемирная Организация не стала пустым звуком, не стала щитом для сильных и насмешкой над слабыми».

Именно этого мы ожидаем от Организации Объединенных Наций, и я хотел бы добавить, что у нас нет сомнений в отношении того, что есть щит для слабых в процессе деколонизации: этот Комитет является таким щитом.

Председатель (говорит по-английски): От имени Комитета я хотел бы поблагодарить Дistinguished Джозефа Боссано, главного министра Гибралтара, за информацию, которую он предоставил

Комитету, и за официальную просьбу, с которой он обратился. Желает ли кто-либо из присутствующих сделать замечания по выступлению или задать вопросы Достопочтенному главному министру?

Г-н Висванатани (Индия) (*говорит по-английски*): Я хотел бы присоединиться к Председателю, поблагодарив главного министра за его любезное присутствие на заседании нашего Комитета. Я хотел бы также поблагодарить его за направленное приглашение представителям Комитета посетить Гибралтар. Мы все знакомы с его красноречивым способом выражения своих позиций, которые являются ясными и последовательными.

Г-н Боссано покидает место за столом Комитета.

По приглашению Председателя г-жа Кристина Торселл (Международная федерация за либеральную радикальную молодежь) занимает место за столом Комитета.

Председатель (*говорит по-английски*): Предоставляю слово г-же Торселл.

Г-жа Торселл (Международная федерация либеральной и радикальной молодежи (МФЛРМ)) (*говорит по-английски*): Будучи Генеральным секретарем Международной федерации либеральной и радикальной молодежи (МФЛРМ) и поэтому выступая от имени молодых либералов всего мира, я выражаю признательность этому Комитету за то, что мне позволили выступить по проблеме Гибралтара, которая является для нас очень важной.

МФЛРМ — это международная неправительственная организация, которая является форумом для организаций молодежи и либеральных политических партий всего мира и в качестве такового является полным членом Либерального интернационала. Члены наших организаций расположены вокруг центра идеологической шкалы, наши главные принципы состоят в обеспечении гражданского общества, прав личности и гражданских прав, коллективных прав меньшинств и других народов, подверженных опасности, а также в достижении мира и безопасности на основе достаточного развития, защиты окружающей среды и свободной рыночной экономики.

В МФЛРМ состоит около 60 организаций-членов в 45 странах на всех 5 континентах. Сегодня я предоставляю более миллиона молодых либера-

лов всего мира. Мы являемся активными членами всех международных структур, существующих в области объединений молодежи. МФЛРМ имеет консультативный статус в соответствующих рамках Организации Объединенных Наций и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Являясь политической неправительственной организацией, мы принимаем активное участие в наблюдении за сложными выборными процессами, кампаниями за политические и гражданские права, где это необходимо, и, поддерживая цели, которые мы считаем справедливыми в международной политике.

За последние пять лет мы внимательно изучили проблему Гибралтара. В 1991 году Генеральная Ассамблея впервые приняла резолюцию, направленную на признание национальных прав народа Гибралтара. Мы дважды посылали делегатов и членов нашего Президиума с визитами в эту страну, и в 1993 году наша Генеральная Ассамблея приняла всеобъемлющую резолюцию по Гибралтару, на которой основывается наша нынешняя политика по этому вопросу. Это резолюцию можно найти в зале заседаний, и я очень рекомендую делегатам прочесть ее. Кроме того, в мае нынешнего года наш Исполнительный комитет единогласно приветствовал Гибралтарскую национальную либеральную молодежь (ГНЛМ), молодежную организацию Гибралтарской национальной партии, которая является оппозиционной партией внутри страны и членом нашей интернациональной семьи.

Следует подчеркнуть, что такая глубокая приверженность правам гибралтарцев уже снискала мощную поддержку всех наших организаций-членов из Британии и Испании. Особенно важно показать изменение в сознании по этому вопросу среди важных секторов молодого поколения Испании.

Либерализм является идеологией, которая прежде всего стремится к установлению свободы: свободы достижения личных и коллективных свобод и свободы решать, какой дорогой пойти и от какой отказаться. Мы выступаем за свободу, которая не признает границ. Я, являясь шведкой, не могу чувствовать себя свободной, когда другие люди лишены свободы принимать демократические решения относительно национальной самобытности и политического статуса их стран. Такая свобода является основным правом человека, которого доби-

ваются молодые либералы всего мира для себя, каждого человеческого существа и каждого народа, включая, разумеется, и народ Гибралтара.

Мы, либералы, считаем, что права колониального народа имеют важнейшее значение и отвергают любой договор, существующий между другими сторонами. Суверенитет должен осуществляться от имени и во имя колониального народа, которому он в конечном итоге принадлежит. Что касается Гибралтара, то предлог, в связи с которым Соединенное Королевство под давлением Испании отказывается признать национальное право гибралтарцев на самоопределение, является неприемлемым. Каким образом договор, принятый в 1713 году, то есть до того как этот народ начал существование, был использован три столетия спустя, для того чтобы подорвать самое основополагающее право этого народа на осуществление деколонизации путем проведения демократического процесса самоопределения? Мы решительно отвергаем это и осуждаем правительство Соединенного Королевства и Королевства Испании за отсутствие уважения к демократическим пожеланиям и основным правам Гибралтара.

Когда МФЛРМ посетила Гибралтар по случаю национального дня этой страны в прошлом году, мы были глубоко тронуты чувствами малого народа, который был дважды колонизирован и для которого международное сообщество, как представляется, не собирается ничего делать. Председатель и члены Специального комитета могут что-то сделать для этого. Я прошу, чтобы Комитет помнил об ответственности за благополучие народа Гибралтара и за обеспечение его политической эмансипации, которая, разумеется, не может быть достигнута путем ассимиляции Гибралтара в Испанию.

Последние несколько лет мы следили за действиями Организации Объединенных Наций, и я должна признать, что удивлены безынициативностью Комитета в отношении наиболее сложной проблемы, которую мы сейчас рассматриваем. Проблема Гибралтара, возможно, и является наиболее сложной проблемой, но это также и проблема, которую Комитет должен рассмотреть, с тем чтобы помочь народу, который в буквальном смысле находится под угрозой и вызывает к помощи.

Сегодня Гибралтар является единственной настоящей колонией — или, если можно так выра-

зиться, единственной настоящей колонизированной колонией. Колониализм все еще существует в Гибралтаре в его наиболее жестокой форме: это делает колонию собственностью других. При всем моем уважении мне трудно понять, почему никто из этого Комитета не посетит эту страну. И от имени моей организации я решительно призываю Комитет сделать это, будь то нынешняя колониальная держава или колониальная держава, подобная этой или нет, поскольку это единственная возможность для Комитета реально осуществить свою задачу и добыть информацию из первых рук о положении дел в современном Гибралтаре, о том, кто такие гибралтарцы и чего они хотят. В противном случае Специальный комитет просто проигнорирует гибралтарский вопрос.

Когда члены Комитета посетят Гибралтар, они увидят страну, которой нужна их помощь, для того чтобы выжить в качестве политического образования. Они увидят средиземноморский народ, который возмужал, который осознает свои права и решительно настроен защищать свое прошлое, настоящее и будущее.

Молодые либералы мира и, по сути дела, каждый истинный демократ будут следить за действиями Комитета по этому вопросу и поддерживать международное сообщество. Настало время для Комитета действовать. Мандат Комитета, предоставленный Генеральной Ассамблеей, весьма ясен: деколонизировать колонизированные регионы. Организация Объединенных Наций является сейчас, в 1995 году, сильной как никогда. Комитет имеет шанс действовать в интересах демократии. Пожалуйста, не допустите того, чтобы право маленькой страны на самоопределение стало жертвой больших интересов. Мы верим в приверженность Комитета выполнению его задачи, и мы желаем ему успеха в ее решении в пользу гибралтарского народа.

Петиционер покидает трибуну.

Председатель (*говорит по-английски*): Я предоставляю слово представителю Испании.

Г-н Перес-Гриффо (Испания) (*говорит по-испански*): Моя делегация хотела бы поблагодарить Вас, г-н Председатель, и других членов Комитета за приглашение делегации Испании принять участие в этих дискуссиях.

Мы изучили рабочий документ Секретариата (A/AC.109/2025) по вопросу о Гибралтаре. И вновь, поскольку в него не включено большинство информации, предоставленной моей страной, в результате его чтения может создаться неполное впечатление или даже неправильное представление о процессе деколонизации и реальном положении дел в колонии.

В резолюции 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи, которая является краеугольным камнем процесса деколонизации, определены параметры совместимости, которую необходимо установить между принципом самоопределения народов и принципом территориальной целостности. Пункт 6 гласит:

«Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций». (*Резолюция 1514 (XV), пункт 6*)

В соответствии с этим пунктом в последующих резолюциях Генеральной Ассамблеи создавалась доктрина, согласно которой деколонизация Гибралтара не является, как утверждается, вопросом, касающимся самоопределения, а, скорее, вопросом, связанным с восстановлением территориальной целостности государства — в данном случае Испании. В этой связи в резолюции 2353 (XXII) Генеральной Ассамблеи была определена применимость этого принципа к случаю Гибралтара, а в резолюции 2429 (XXIII) Генеральная Ассамблея просила управляющую державу положить конец колониальной ситуации в Гибралтаре и объявила, что дальнейшее сохранение этой ситуации противоречило бы Уставу Организации Объединенных Наций.

Таким образом, согласно определенной Организацией Объединенных Наций доктрине вопрос о деколонизации Гибралтара необходимо урегулировать на основе переговоров между Испанией и Соединенным Королевством, принимая во внимание интересы населения колонии.

Начало нынешнему процессу переговоров между Испанией и Соединенным Королевством было положено после подписания двумя странами 27 ноября 1984 года в Брюсселе декларации, в которой определялось, что в ходе этого процесса будут рассматриваться вопросы суверенитета, а также

сотрудничества во имя общих интересов, в том что касается будущего Гибралтара.

Представители местных органов власти Гибралтара принимали участие в этом процессе до тех пор, пока в 1988 году на должность главного министра не был назначен г-н Боссано. Испания и Соединенное Королевство всегда выражали сожаление по поводу этого самоустранения. В результате усиливающегося давления со стороны общественности Гибралтара местные органы власти были вынуждены принять участие в текущем процессе переговоров и отказаться от односторонней политики конфронтации.

Самая последняя встреча на уровне министров в рамках этого процесса, начатого в Брюсселе, состоялась 20 декабря в Лондоне, в ходе которой были проведены переговоры между министром иностранных дел Испании и Соединенного Королевства. Министры подтвердили свою приверженность Брюссельскому процессу, заявили о своем согласии в отношении важного значения для Гибралтара наличия стабильной экономики, признали существование проблемы контрабанды, в частности контрабанды наркотиков, в районе Гибралтара и необходимость создания эффективного механизма с участием компетентных местных органов в целях повышения эффективности консультаций и сотрудничества.

В рамках этого механизма Испано-английская рабочая группа провела совещание с участием представителей местных органов власти. Однако в силу недостаточного уровня сотрудничества со стороны представителей местных органов власти этой колонии достигнуто на этом совещании было немного. В этой связи складывается очень серьезная ситуация. Значительную часть доходов Гибралтара составляет контрабанда. Свыше 200 скоростных моторных лодок, которые базируются в порту Гибралтара и находят там безопасное убежище для своих операций, беспрепятственно доставляют на испанскую территорию контрабандные табачные изделия и наркотики.

Экономическую сущность этого незаконного оборота, масштабы которого продолжают расширяться, можно отразить в следующих статистических данных: в 1993 году, по скромным подсчетам, контрабанда табачных изделий составляла приблизительно 20 процентов валового национального

продукта колонии, а в 1995 году стоимость доставленных в Испанию из Гибралтара наркотиков, которые не были конфискованы, превысила 200 млрд. песет, что составляет 1,6 млрд. долл. США.

Средства, получаемые от этого незаконного оборота, «отмываются» в колонии благодаря механизмам, существующим в ее странной финансовой системе. Завеса тайны, за которой скрывается свыше 50 000 компаний, зарегистрированных в колонии, приводит к еще большему обострению этой ситуации.

Я хотел бы отметить тот факт, что с 7 июля в Гибралтаре были приняты различные меры, направленные на ограничение незаконной деятельности судов, которые систематически используются для незаконных поставок наркотиков. Испания с удовлетворением отмечает эти первые меры и надеется, что за их строгим осуществлением последуют другие меры, направленные на искоренение всех видов контрабанды в Гибралтар и из него.

Правительство Испании преисполнено решимости продолжать поиск основанных на переговорах путей урегулирования, благодаря которому будет положен конец спору в отношении Гибралтара. Однако расширение масштабов контрабанды из этой колонии создает новые препятствия на пути достижения этой цели. Испания стремится к обеспечению процветания народа Гибралтара, но экономика колонии не может развиваться на основе незаконной деятельности и за счет соседней Испании.

Несмотря на то, что осуществление разработанной Организацией Объединенных Наций доктрины в отношении того, что проблема Гибралтара не касается принципа самоопределения, а, скорее, является вопросом, связанным с территориальной целостностью, Испания считает, что в процессе деколонизации территории необходимо учитывать законные интересы населения и его особенности в более широком контексте автономии.

Испания по-прежнему решительно привержена диалогу, и ее правительство полностью готово обеспечить полные гарантии реализации всех этих аспектов при окончательном и основанном на переговорах урегулировании этого спора в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи.

Сегодня члены этого Комитета заслушали ряд выступлений. От имени моего правительства я хотел бы заявить об оговорках Испании в этой связи, и мы оставляем за собой право при необходимости представить в этот Комитет новые подробности и сделать дополнительные замечания, которые будут иметь отношение к этому вопросу.

Председатель (*говорит по-английски*): Поскольку желающих выступить больше нет, а также с учетом соответствующего развития событий, я предлагаю Комитету продолжить рассмотрение этого вопроса на своей следующей сессии с учетом решений, которые Генеральная Ассамблея может принять на своей пятидесятой сессии, и в целях облегчения процесса рассмотрения этого пункта Четвертым комитетом предлагаю Комитету передать Генеральной Ассамблее все соответствующие документы.

Решение принимается.

Председатель (*говорит по-английски*): На этом Комитет завершил свое рассмотрение пункта повестки дня по Гибралтару.

Вопрос о Восточном Тиморе (A/АС.109/2026)

Председатель (*говорит по-английски*): Я хотел бы информировать членов Комитета о том, что делегация Сан-Томе и Принсипи, а также Анголы, Кабо-Верде, Гвинеи-Бисау и Мозамбика обратилась с просьбой предоставить им возможность принять участие в заседаниях Специального комитета, посвященных рассмотрению вопроса о Восточном Тиморе.

Если не будет возражений, могу ли я считать, что Комитет согласен удовлетворить эту просьбу?

Решение принимается.

Председатель (*говорит по-английски*): Хочу обратить внимание членов Комитета на подготовленный Секретариатом рабочий документ (A/АС.109/2026). Я также хотел бы обратить внимание членов Комитета на памятную записку 5/95/Add.2, в которой содержатся просьбы о заслушании.

Председатель (*говорит по-английски*): В соответствии с решениями, принятыми на 1442-м и на этом заседании, сейчас Комитет заслушает пети-

ционером, чьи просьбы о заслушивании были удовлетворены.

По приглашению Председателя г-н Закариас да Коста (Тиморский демократический союз) занимает место за столом петиционеров.

Председатель (говорит по-английски): Я предоставляю слово г-ну да Косте.

Г-н да Коста (Тиморский демократический союз (ТДС)) (говорит по-английски): В момент, когда мы отмечаем 20-ю годовщину вторжения Индонезии в Восточный Тимор, мы вновь находимся здесь для того, чтобы выступить с петицией перед членами этого Комитета и осудить продолжающуюся незаконную оккупацию индонезийским правительством этой территории, а также подтвердить неотъемлемое право народа Восточного Тимора на свободное осуществление права на самоопределение.

Я хотел бы напомнить делегатам, что четыре члена Тиморского демократического союза (ТДС), включая его Генерального секретаря г-на Домингоса Оливейру, впервые появились в этом Комитете в 1987 году, с тем чтобы развенчать фальшивые заявления индонезийского правительства о том, что народ Восточного Тимора активно стремится к объединению на основе подписания Декларации Балибо. Я хотел бы подчеркнуть, что г-н Оливейра и другие жители Восточного Тимора под страхом смерти были вынуждены подписать эту декларацию, которая с тех пор вместе с другими фабриками используется индонезийским правительством для оправдания своего продолжающегося присутствия в территории.

Различные представители правительства Индонезии выступали в этом Комитете и выдвигали аргументы в пользу того, что мы, жители Восточного Тимора, осуществили свое право на самоопределение, сделав выбор в пользу объединения с Индонезией. Индонезийское правительство по-прежнему заявляет об этом, несмотря на многочисленные резолюции Организации Объединенных Наций, осуждающие насильственную оккупацию территории и нарушения прав человека со стороны индонезийских военных. Оно настаивает на этом, несмотря на растущую оппозицию со стороны своих собственных граждан, осуждающих постыдную агрессию своего собственного правительства против народа Восточного Тимора, которую сами индонезийцы

считают вызовом конституции своей страны. И это правительство продолжает настаивать на этом, несмотря на явное сопротивление жителей Восточного Тимора, которые требуют свободного волеизъявления в отношении самоопределения и бесстрашно выражают свое несогласие в своей территории, а также бросают прямой вызов правительству Джакарты в самой столице Индонезии.

С точки зрения международного права юридическая и политическая ситуация в Восточном Тиморе получает четкое определение с 1960 года. Я хотел бы сослаться на резолюцию 1542 (XV) и последующие резолюции, принятые после вторжения Индонезии, в том числе самое последнее постановление Международного Суда в отношении Договора о «Тиморском коридоре», в котором Восточный Тимор рассматривается как самоуправляющаяся территория. Тем не менее важно обратить внимание на то, что резолюция 1542 (XV) принималась в совершенно иных политических рамках, чем последующие резолюции. Первая резолюция была продуктом процесса деколонизации, начавшегося после второй мировой войны, в то время как последующие появились в результате выражения международным сообществом солидарности с народом Восточного Тимора, который пал жертвой неокOLONиалистской политики Индонезии.

Парадоксальным является тот факт, что спустя 40 лет после Бандунгской конференции и 35 лет после принятия Генеральной Ассамблеей резолюций 1514 (XV) и 1541 (XV) Индонезия, которая была одним из основателей Движения неприсоединения, сегодня ведет себя как колониальная держава по отношению к народу Восточного Тимора. Совершенно по-другому действует Португалия, которая в соответствии с резолюцией 1542 (XV) и новой политической волей, возникшей после «революции гвоздик», в 1974 году приступила к осуществлению процесса деколонизации в этой территории, сорванному в результате вторжения Индонезии. Впоследствии Португалия была лишена возможности выполнять свой долг и свои обязанности в качестве международно признанной управляющей державы территории.

Таким образом, вопрос о Восточном Тиморе по-прежнему является проблемой, которая должна вызывать обеспокоенность всего международного сообщества — и не только в связи с его актуальностью для международного права, но и как нравст-

венный вопрос, в основе которого лежат основополагающие права человечества. Нельзя прекращать рассмотрение вопроса о Восточном Тиморе на основании того, что это лишь вопрос спора между правительствами Португалии и Индонезии. Продолжающиеся нарушения прав человека народа Восточного Тимора непосредственным образом связаны с лишением нас прав на самоопределение и свободное определение нашего собственного будущего.

Что касается Международного десятилетия за искоренение колониализма и Карибского регионального семинара этого комитета о среднесрочном обзоре Плана действий, проводившегося в Порт-оф-Спейне, Тринидад и Тобаго, то я хотел бы обратить внимание на пункт 12 доклада Семинара, в котором упоминается, что:

«... в ходе Семинара с заявлениями выступили представители Индонезии, Португалии и Восточного Тимора, подтвердившие свою приверженность делу продолжения происходящего диалога в целях нахождения справедливого, всеобъемлющего и международно приемлемого урегулирования вопроса о Восточном Тиморе при помощи со стороны Организации Объединенных Наций».

В этой связи я хотел бы с уважением напомнить членам этого Комитета, что участники организованного им Семинара одобрили пункт по Восточному Тимору и то, чтобы я был приглашен Председателем Комитета, а также что включенная формулировка получила одобрение Организации Объединенных Наций.

На этом же Семинаре я отмечал, что во всех аспектах своей жизни народ Восточного Тимора лишен характера "erga omnes" прав народов на самоопределение, о чем говорится в постановлении Международного Суда по вопросу Договора о «Тиморском коридоре». Необходимо с обеспокоенностью отметить, что разрабатываемые правительством Джакарты стратегии направлены на то, чтобы не дать народу Восточного Тимора возможность осуществить это право. Примером этого является применение военной силы в территории.

Как было заявлено на Семинаре, военное присутствие в территории используется индонезийским правительством в качестве инструмента запугивания и угнетения, и это присутствие ощущается во

всех сферах жизни. Как государственный инструмент, военные также несут ответственность за осуществление и активизацию организуемого государством насилия, которое вызывает у населения постоянный страх. Как в большинстве стран, находящихся в условиях иностранной оккупации и вооруженного конфликта, женщины Восточного Тимора являются гражданской группой, которая в наибольшей степени пострадала в результате индонезийской оккупации и военного присутствия. Насилие над женщинами и полное пренебрежение к их правам используется для того, чтобы вселить страх и разрушить общинные социальные связи. Женщины лишены возможности зарабатывать на жизнь себе и своим детям и постоянно подвергаются унижениям. Те, кто становится жертвами изнасилований солдатами, превращаются в изгоев в своих собственных общинах и источником позора для своих семей. Женщины также становятся ценным товаром в территории, поскольку они насильно продаются ради сохранения жизни и безопасности родственников-мужчин, находящихся в тюрьмах или избиваемых в качестве жертв индонезийскими властями.

Хотя мы приветствуем проходивший под эгидой Генерального секретаря и при поддержке правительств Португалии и Индонезии раунд переговоров в целях проведения внутривосточнотиморского диалога и его продолжения, что обсуждалось в ходе шестого раунда переговоров, мы с обеспокоенностью отмечаем, что Индонезия до сих пор не выполнила условий согласованного заявления, принятого на последней сессии Комиссии по правам человека в марте этого года, касающегося содействия визиту Верховного комиссара по правам человека в территории.

Мы также с обеспокоенностью отмечаем, что рекомендации, вынесенные г-ном Бакре Уали Ндъейе, Специальным докладчиком Организации Объединенных Наций по вопросу о внесудебных, суммарных и произвольных казнях, еще должны быть осуществлены правительством Индонезии. Серьезную тревогу вызывает усугубление ситуации в области прав человека на территории, предшествовавшее ее посещению г-ном Ндъейе. Я в первую очередь имею в виду ночные нападения поддерживаемых военными «ниндзя», убийства шести тиморцев в Ликизе и произвольные арест и задержание тиморских граждан.

В заключение я хочу поддержать рекомендации Специального докладчика Организации Объединенных Наций по вопросу о внесудебных, суммарных и произвольных казнях, в особенности в том, что касается милитаризации территории, уважения культурной и политической самобытности восточнотиморцев и их основополагающих прав человека и подтверждения права народа Восточного Тимора на самоопределение — надеюсь, что мы не забудем убийств в Санта-Крус 12 ноября 1992 года.

Петиционер возвращается на отведенное для него место.

Председатель (*говорит по-английски*): Я благодарю г-на да Косту за соблюдение регламента, утвержденное Президиумом. И я хотел бы просить всех петиционеров придерживаться регламента в 15 минут.

По приглашению Председателя г-н Дэвид Уэбстер (Сеть бдительности Восточного Тимора) занимает место за столом Комитета.

Председатель (*говорит по-английски*): Слово имеет г-н Уэбстер.

Г-н Уэбстер (*говорит по-английски*): Благодарю Вас, г-н Председатель, за предоставленную мне возможность выступить сегодня перед Комитетом. Меня зовут Дэвид Уэбстер. Я являюсь координатором Сети бдительности Восточного Тимора (СБВТ) в Торонто, который Организация Объединенных Наций назвала одним из городов, в которых существует самое большое количество различных культур. Наша местная группа СБВТ насчитывает сотни членов и сторонников со всех регионов мира, живущих сейчас в Торонто.

Сеть бдительности Восточного Тимора является национальной ассоциацией канадцев, работающей в целях осуществления права Восточного Тимора на самоопределение. Она была основана в 1987 году канадским Советом церквей и сейчас располагает группами на местах по всей стране в семи из десяти канадских провинций.

Массовые нарушения прав человека в Восточном Тиморе, территории, которая по-прежнему борется за свое закрепленное в Уставе Организации Объединенных Наций право на самоопределение,

ни для кого не секрет. О них лучше меня скажут другие выступающие сегодня. Тем не менее мне хотелось бы начать со слов Изабел Гальюш, бежавшей в Канаду в 1994 году. Изабел — молодая жительница Тимора, выросшая в условиях военной оккупации ее родины Индонезией и рассматривалась индонезийскими должностными лицами как «умная девушка со светлым будущим». Тот факт, что она воспользовалась первой представившейся возможностью, чтобы покинуть Восточный Тимор и бежать в Канаду, указывает на провал усилий Индонезии интегрировать новое поколение тиморцев.

Многие восточнотиморские семьи сейчас вынуждены «принимать» двух индонезийских солдат на проживание. Вот слова Изабел Гальюш:

«Они приходят в любое время, пользуются всем, чем хотят, едят и пьют и ни за что не платят. Все бесплатно. Им особенно нравится, если их принимает семья, в которой у родителей есть дочь. Так что, кроме питья, еды, всего, что они получают бесплатно, они еще могут заниматься любовью без какой бы то ни было ответственности. Меня моя мама отправляла к монахиням каждый раз, когда приходили военные, а это было почти каждый день. Приходили они в любое время — в 10, 12 часов вечера. Они всех будили и говорили, что они хотят есть, и, несмотря на то, что было так поздно, мы должны были им готовить. Мы не свободны в Восточном Тиморе, даже в своих домах».

В следующем месяце исполняется 50 лет со дня провозглашения Индонезией независимости от Нидерландов — события, вдохновившего многие другие колонизированные народы мира. Индонезии пришлось вести борьбу на протяжении нескольких лет для того, чтобы добиться независимости, являвшейся ее неотъемлемым правом. Сорок лет назад президент Индонезии Сукарно принимал встречу на высшем уровне в Бандунге, на которой родилось Движение неприсоединения, что явилось еще одной вехой на пути деколонизации.

Но 20 лет назад правительство Индонезии предало свою антиколониальную историю, вторгшись в соседнюю страну, Восточный Тимор. По словам живущего сейчас в Канаде восточнотиморца Барнабэ Баретту Суариша:

«Сегодня Индонезия сама стала жестоким колонизатором. Но многие индонезийцы не хотят находиться в Восточном Тиморе. Позорно, что правительство Индонезии по-прежнему придерживается своей позиции, предусматривающей сохранение присутствия в Восточном Тиморе. Это противоречит принципам ее собственной конституции».

Нельзя позволить, что 20 лет незаконной военной оккупации прошли без конкретных действий со стороны международного сообщества. К 2000 году Восточный Тимор должен быть уже на пути к самоопределению, в противном случае международное сообщество не выполнит своих моральных и правовых обязательств.

Канадцы глубоко обеспокоены судьбой Восточного Тимора. Сегодня эта обеспокоенность растет. Вот лишь один тому пример: Верховный синод англиканской церкви Канады, высший директивный орган этой церкви, в июне принял резолюцию о Восточном Тиморе. В этой резолюции со стороны католической и протестантской церквей выражается поддержка Восточному Тимору в условиях «его продолжающихся страданий» и идет речь о постоянных нападениях правительства Индонезии на культуру, язык и религию Восточного Тимора. Верховный синод призвал направить правительству Индонезии выражения серьезной обеспокоенности, провести трехсторонние переговоры между Португалией, Индонезией и Движением сопротивления Тимора (ДСТ) и добиться того, чтобы до разрешения ситуации с Восточным Тимором Индонезии не продавалось никакое оружие. Аналогичная поддержка также была оказана католической церковью Канады, а также основными протестантскими церквями.

Также растет поддержка Восточного Тимора со стороны профсоюзов Канады. Так, к примеру, Союз рабочих канадской автопромышленности, крупнейший промышленный профсоюз Канады, обратился с призывом к правительству Канады выделить половину бюджетных средств, идущих на внешнюю помощь, на развитие прав человека и просил, чтобы помощь была увязана с вопросом уважения прав человека и обеспечения права Восточного Тимора на самоопределение.

В этой связи мне хотелось бы напомнить о заявлении, сделанном по вопросу о Восточном Тиморе два года назад Канадским рабочим конгрессом

(КРК), организацией, объединяющей все профсоюзы в Канаде и представляющей 2,5 миллиона трудящихся. КРК призвал Организацию Объединенных Наций

«учредить действенный механизм мониторинга за правами человека в Восточном Тиморе и принять соответствующие меры для обеспечения того, чтобы народ Восточного Тимора мог свободно осуществить право на самоопределение.

Тогда как Канадский рабочий конгресс согласен с тем, что международное сообщество не признает оккупацию Восточного Тимора Индонезией, мы по-прежнему выражаем тревогу в отношении того, что правительства, в том числе Канады, продолжают вести с Индонезией обычную деловую практику».

Эти слова подкрепляют сказанное покойным епископом Восточного Тимора монсеньором Мартинью да Коштой Лопишом:

«Я не могу понять, почему некоторые страны намеренно жертвуют правом Восточного Тимора на самоопределение в обмен на торговлю».

Канада представляет собой яркий пример этого явления. Во многих случаях наши дипломатические представители показали себя решительными сторонниками прав человека в Восточном Тиморе, за что мы, в Сети бдительности Восточного Тимора, крайне им признательны. В то же время правительство Канады квалифицировало Индонезию как своего основного торгового партнера. Канадским корпорациям, планирующим расширить свои операции с Индонезией, была предоставлена обширная правительственная помощь. Индонезия стала нашим крупнейшим торговым партнером в Юго-Восточной Азии.

Такие канадские корпорации, как «Международная никелевая компания», «Обувь Бата» и сотни других, оказывают поддержку индонезийскому правительству. Без присутствия иностранных вкладчиков, таких, как эти канадские компании, индонезийское правительство с трудом выполняло бы задачи его нынешнего плана развития. В недавнем выступлении в Торонто государственный министр по капиталовложениям Индонезии сказал, что для того, чтобы Индонезия выполнила свои задачи, необхо-

димо удвоить иностранные частные капиталовложения. По сути, правительство Индонезии зависит от этой внешней помощи.

Канада является торговой страной, но канадцы также понимают, что ради достижения лучшего и более мирного будущего нельзя молчать и необходимо предпринимать конкретные меры. При том что торговля может быть значительной силой в добрых делах, по результатам опросов и характеру замечаний, представленных в ходе проведенного обзора внешней политики страны, ясно видно, что мы, канадцы, — это народ, который хочет, чтобы наше правительство отстаивало позитивные ценности. Как мне кажется, то же можно сказать о народах других стран — включая народ Индонезии.

В отношении Восточного Тимора правительство Индонезии проявляет непреклонность, упорно отклоняя разумное требование о проведении референдума о самоопределении. Страны, уверенные в своей позиции, позволяют проведение таких референдумов. Опять-таки, у Канады есть тому пример: провинция Квебек будет голосовать по вопросу о том, становиться в этом году независимой страной или нет, несмотря на то, что Квебек свободно присоединился к Канаде 125 лет назад, способствовал формированию современного лица Канады и пережил очень немного нарушений прав человека. Если может голосовать Квебек, почему этого не может сделать Восточный Тимор, который, а это столь очевидно, является оккупированной территорией?

Если индонезийский режим отказывается что-либо серьезно изменить в отношении основного вопроса самоопределения, то время спокойной дипломатии прошло. Мир не должен терпимо относиться к двадцати годам оккупации. Международное сообщество должно предпринять конкретные действия для того, чтобы Восточный Тимор получил право самому определять свое будущее. Одним из замечательных путей в этом направлении был бы путь, предложенный в мирном плане Национального совета сопротивления маубере Восточного Тимора, который неоднократно выдвигался за последние несколько лет.

Сеть бдительности Восточного Тимора призывает данный Комитет рекомендовать Генеральной Ассамблее принять в текущем году решительную резолюцию. Помимо того мы просим, чтобы резолюция призвала к международному эмбарго на

поставки оружия в Индонезию до тех пор, пока она незаконно оккупирует Восточный Тимор. И наконец, в резолюции следует признать, что во многих случаях корпорации стали более значительными силами на мировой арене, чем многие государства. Поэтому резолюция должна содержать обращенный как к корпорациям, так и к правительствам призыв учитывать право Восточного Тимора на самоопределение в рамках своих отношений с правительством Индонезии.

По приглашению Председателя г-н Кан Акатани (Японская коалиция за свободу Восточного Тимора) занимает место за столом петиционеров.

Председатель (*говорит по-английски*): Слово имеет г-н Акатани.

Г-н Акатани (*Японская коалиция за свободу Восточного Тимора*) (*говорит по-английски*): На первых всеобъемлющих межтиморских переговорах, состоявшихся в Австрии в июне этого года, г-н Жильерме Мариа Гонсалиш, первый губернатор Восточного Тимора в период индонезийского правления, заявил, что он отказался признавать декларацию Балибо. Это важное заявление, поскольку г-н Гонсалиш является одним из шести человек, поставивших свои подписи под этой декларацией.

Декларацию Балибо обычно называют «декларацией об интеграции», которая, как говорят, была подписана шестью лидерами четырех восточнотиморских политических партий в Балибо 30 ноября 1975 года, через два дня после того, как Революционный фронт за независимость Восточного Тимора (ФРЕТИЛИН) объявил о независимости в Дили.

Г-н Гонсалиш — не первый из подписавших эту декларацию, кто отказывается ее признавать. Г-н Жозе Мартинш, председатель партии Кота, писал в своем докладе в апреле 1976 года о том, что эта декларация была навязана индонезийским разведывательным координационным управлением БАКИН. Он также писал в том же докладе, что этот документ был подготовлен на индонезийской территории более чем в 1000 километрах от Восточного Тимора. Г-н Домингуш ди Оливейра из Тиморского демократического союза (ТДС) категорически отрицал законность этой декларации, утверждая, что троих их подписавших ее, в том числе и его самого, Индонезия силой заставила подписать ее на острове Бали, на индонезийской территории. Нако-

нец, на слушаниях в этом Комитете в 1987 году выступал лидер ТДС г-н Жоау Вьегаш Карраскалан, который сказал, что ТДС никогда не просил Индонезию вмешиваться.

Однако Индонезия и по сей день называет эту декларацию «проявлением подлинной воли всего народа Восточного Тимора». Известный индонезийский ученый г-н Жоржи Адитжондру отмечал, что декларация Балибо — это один из пяти исторических мифов о Восточном Тиморе, распространяемых правительством Индонезии: это миф о том, что большинство населения Восточного Тимора стремится к интеграции. Г-н Адитжондру в настоящее время живет за границей и отказывается реагировать на повестки, присылаемые полицией его страны. Многие считают, что его опубликованные исследования по Восточному Тимору вызвали гнев правительства, хотя в предъявляемых обвинениях о них, похоже, не упоминается.

Эта декларация, хотя она и является мифом, постоянно упоминается в официальных индонезийских документах, заявлениях, брошюрах, школьных учебниках, средствах массовой информации и так далее. Однако мало что известно об обстоятельствах, в которых эта декларация была составлена и объявлена. Не было никакой официальной церемонии, на которой присутствовали бы сторонники декларации. Не было никакого собрания четырех партий для принятия декларации.

Если говорить с юридической точки зрения, то декларация Балибо в лучшем случае — это заявление части народа Восточного Тимора. Тот факт, что некоторых из подписавших ее Индонезия принуждала к подписанию силой и что ТДС в качестве партии не утвердил этот документ, неизбежно еще больше снижает его действенность, даже в качестве такого заявления.

Я хотел бы представить Специальному комитету по деколонизации результаты моих исследований по вопросу о декларации Балибо. Из моих исследований стало ясно, что Индонезия, манипулируя информацией либо языком — а здесь индонезийская разведка была на высоте, — попыталась обмануть как жителей Восточного Тимора, так и международное сообщество.

В частности, я хотел бы обратить внимание Комитета на английский вариант декларации, представленный Индонезией Четвертому комитету в

декабре 1975 года. Далее, я хотел бы, чтобы Комитет сравнил его с оригинальным английским вариантом, опубликованным в Индонезии, и с другим оригинальным английским вариантом, переданным правительству Португалии. Эти оригинальные английские варианты представляют собой перевод с оригинального португальского варианта.

Сразу бросаются в глаза явные различия между вариантом Организации Объединенных Наций и двумя другими оригинальными английскими вариантами. Индонезийское правительство полностью переписало декларацию. По-видимому, это было сделано не для того, чтобы представить Организации Объединенных Наций более совершенный английский перевод, ибо это ни в коем смысле не перевод с португальского варианта, а для того, чтобы изъять проблемные разделы из оригинального английского варианта, который в противном случае вызвал бы разговоры о тех обстоятельствах, в которых была составлена декларация. Три изъятия и три проблемных добавления освещаются в документе, прилагаемом к данному заявлению.

Я хотел бы обратить внимание Комитета на три изъятия.

Первое — это критика «согласия» Португалии с действиями ФРЕТИЛИН. В оригинальном английском варианте, в самом первом абзаце, Португалию укоряют в том, что она дала свое согласие на одностороннее объявление ФРЕТИЛИН независимости, хотя Португалия на самом деле этого не делала. В варианте для Организации Объединенных Наций не упоминается о «согласии», а лишь туманно говорится об «отношении португальского правительства к нему», то есть к объявлению независимости. Далее в нем осуждается односторонний шаг ФРЕТИЛИН, поскольку он «противоречит действительным пожеланиям народа Португальского Тимора».

Почему же составители первоначальной декларации заявляют, что Португалия дала свое согласие не одностороннее объявление ФРЕТИЛИН независимости?

Индонезийское информационное агентство «Антара» сообщило 29 ноября 1975 года о том, что индонезийское правительство в пресс-релизе подвергло португальское правительство критике за явное одобрение односторонних действий ФРЕТИЛИН по объявлению независимости.

1 декабря того же года агентство «Антара» сообщило, что:

«... одностороннее объявление ФРЕТИЛИН независимости, которое было одобрено Португалией, является явным нарушением заключенного в Риме Меморандума о взаимопонимании»,

и цитировало слова лидера ТДС г-на Франсишку Лопиша да Круша, сказавшего якобы, что:

«Таким образом, мы также считаем себя более не связанными Римским соглашением».

Разочарование, которое якобы испытали составители декларации, связано с действиями двух сторон, ФРЕТИЛИН и правительства Португалии, и такое представление, видимо, заставило составителей сделать вывод о том, что возможностей для переговоров более не существует. После этих сообщений агентства «Антара» индонезийское правительство, однако, никогда не характеризовало позицию Португалии как явно выраженное или подразумеваемое одобрение действий ФРЕТИЛИН.

Изъятие этой ссылки из варианта для Организации Объединенных Наций говорит о том, что Индонезия пыталась скрыть тот факт, что одной из двух основ, на которых базировались главные аргументы декларации, была дезинформация. Весьма вероятно, что эта дезинформация поступила с индонезийской стороны.

Второй момент состоит в изъятии любых упоминаний о Нидерландах. Первоначальный вариант объясняет раздел Восточного Тимора и Западного Тимора действиями двух колониальных держав: Португалии и Нидерландов. Однако в варианте для Организации Объединенных Наций говорится о 400-летнем отделении Восточного Тимора от Индонезии, отделении исключительно по вине Португалии.

Действительно, в первоначальном варианте предусмотрительно избегается упоминание об этническом сходстве между восточнотиморцами и индонезийским народом в целом. Согласно первоначальному варианту, именно с индонезийцами острова Тимор, иными словами, с народом Восточного Тимора связывают этнические, этические и культурные узы. И выражается надежда, что Восточный Тимор возобновит прочные традиционные

связи не с народом Индонезии, а с индонезийским государством.

Эти формулировки свидетельствуют о том, что тиморцы, составившие этот документ, по-прежнему считают, что интеграция является вынужденным выбором. Этот выбор был сделан в силу того, что в настоящее время на родине составителей господствуют их политические противники, а также из-за того, что санкционировала это господство, как сообщают, ответственная сторона — Португалия. Однако в варианте Организации Объединенных Наций, авторы которого пытаются представить, что народ Восточного Тимора вообще в течение длительного времени стремится к интеграции с индонезийцами, скрыто то обстоятельство, что составители этого документа рассматривают интеграцию лишь как крайнее средство.

Третий изъят и, возможно, наиболее важный из всех — это целиком весь второй пункт. В этом пункте содержится жалоба на то, что:

«... условия для самоопределения португальского народа Тимора, в том, что касается свободного выбора его собственной судьбы, не были реализованы».

Здесь, возможно, делается ссылка на несостоявшийся референдум, поскольку проведение референдума по-прежнему оставалось главной целью четырех восточнотиморских партий.

Представленные мне документы ясно свидетельствуют о том, что четыре восточнотиморские партии продолжали поддерживать идею проведения референдума даже после принятия Декларации Балибо. Составители этого документа требовали восстановления мира и порядка. Они стремились в условиях нормализации обстановки возобновить процесс деколонизации и завершить его референдумом.

Декларация Балибо не призвала Индонезию к уничтожению политических противников этих четырех партий. Она не призвала Индонезию избавить весь народ Восточного Тимора от страданий. Далее она не призвала Индонезию от имени Восточного Тимора силой осуществлять интеграцию. Она призвала Индонезию лишь защитить жизни тех, кто сегодня считает себя индонезийцами.

Абсолютно верно, что Декларация Балибо была использована Индонезией в качестве предлога для вторжения. Однако то, что Индонезия соверши-

ла на самом деле, имело гораздо более разрушительные последствия, чем те, которые можно было предвидеть. Индонезия, вероятно, в полной мере сознавала, что она могла получить в результате выполнения этой Декларации и что ей необходимо было скрыть при представлении Декларации международному сообществу. Это значит, что Индонезия сознательно вторглась в дела, которые являются по существу внутренними делами восточнотиморского общества.

В этой связи я хотел бы напомнить об одном интересном сообщении, которое мы получили от одного из должностных лиц японского правительства. Согласно этому сообщению Индонезия заявила Японии, что она выйдет из Восточного Тимора, когда там будет восстановлен порядок. В связи с этим по словам этого должностного лица между японскими чиновниками возникла бурная дискуссия, и большинство из них поверили заявлению Индонезии. Вопрос о том, были ли руководители Восточного Тимора введены в заблуждение так же, как и японские чиновники, все еще остается без ответа. Тем не менее, если при подписании Декларации Балибо руководители Восточного Тимора продолжали тешить себя надеждой на проведение референдума, что вполне вероятно, то можно сделать вывод, что Декларация призывала Индонезию отнюдь не к тем действиям, которые ею были предприняты в действительности.

У международного сообщества еще есть время для того, чтобы понять, что скрывается в этой Декларации, и выяснить, что конкретно произошло на решающем этапе истории этого вызывающего споры района. Декларация Балибо является еще одним примером вмешательства Индонезии в дела Восточного Тимора. В самом деле подобное вмешательство со стороны Индонезии настойчиво прослеживается на протяжении всей истории этого спора. По мнению Индонезии, независимый Восточный Тимор мог легко стать объектом для вмешательства со стороны других государств. Однако по иронии судьбы в действительности никто иной как Индонезия вмешалась во внутренние дела Восточного Тимора.

Петиционер покидает место за столом петиционеров.

По приглашению Председателя г-н Азанкот ди Менезеш (Ассоциация в защиту тиморцев) занимает место за столом петиционеров.

Председатель (*говорит по-английски*): Я предоставляю слово г-ну ди Менезешу.

Г-н ди Менезеш (Ассоциация в защиту тиморцев) (*говорит по-испански*): Г-н Председатель, Ассоциация в защиту тиморцев выражает Вам признательность за предоставленную возможность выступить перед этим Комитетом.

7 декабря этого года исполняется двадцать лет с того дня, когда была осуществлена аннексия Восточного Тимора индонезийскими вооруженными силами. Эта годовщина означает, что в Восточном Тиморе на протяжении 20 лет продолжается практика тюремных заключений, пыток и массовых расправ в отношении тиморских детей, женщин и мужчин, что в течение 20 лет осуществляется геноцид в отношении народа Восточного Тимора, в результате которого погибли 200 000 тиморцев — треть всего населения.

Все эти 20 лет тиморское сопротивление не прекращает решительную борьбу против индонезийской военной оккупации. Эта борьба продолжается исключительно благодаря той неоспоримой поддержке, которую оказывает партизанам население Восточного Тимора. Такая поддержка ясно свидетельствует о неприятии народом Восточного Тимора идеи интеграции с Индонезией и о его решимости продолжать борьбу против индонезийской оккупации. Как ни трудно режиму Сухарто признать это, но эти факты являются главным доказательством того, что нельзя отождествлять культуру и особый уклад жизни тиморского населения с культурой и укладом жизни Индонезии.

Однако речь здесь идет не только о неприятии идеи интеграции Восточного Тимора с Индонезией. Независимо от того, существует или нет сопротивление индонезийской оккупации, речь идет о подпадающих проверке случаях нарушения Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Международного пакта о гражданских и политических правах, иными словами — Международного билля о правах человека. Речь идет о том, что в результате невыполнения ряда соответствующих резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безо-

пасности народу Восточного Тимора было отказано в возможности свободно распоряжаться своей судьбой.

Эти и другие проблемы, связанные с вопросом о Восточном Тиморе, рассматривались и обсуждались на Международной межпарламентской конференции по Восточному Тимору, которая проходила в Лиссабоне с 31 мая по 2 июня этого года. В работе этой Конференции приняли участие Ассоциация в защиту тиморцев и другие тиморские организации, а также представители парламентов государств — членов Европейского союза, таких, как Австрия, Бельгия, Дания, Испания, Греция, Нидерланды, Ирландия, Люксембург, Соединенное Королевство и Швеция, представители парламентов европейских стран, не являющихся членами Европейского союза, таких, как Кипр, Латвия, Польша, Чешская республика, Румыния, Швейцария, члены парламентов американских государств, таких, как Аргентина, Бразилия, Перу, Уругвай и Венесуэла, члены парламентов государств Океании, таких, как Австралия и Новая Зеландия, члены парламентов азиатских государств, таких, как Япония и Таиланд, члены парламентов африканских государств, таких, как Ангола, Кабо-Верде, Гвинея-Биссау, Маврикий, Мозамбик и Сан-Томе и Принсипи. На Конференции также присутствовали многие выдающиеся зарубежные деятели, выступающие в защиту права тиморского народа на самоопределение.

Мы хотели бы воспользоваться этой возможностью, для того чтобы поблагодарить все страны и международные организации, которые принимали участие в Межпарламентской конференции в Лиссабоне, и, в частности, наших братьев из Анголы, Кабо-Верде, Гвинеи-Биссау, Мозамбика и Сан-Томе и Принсипи.

Все участники единодушно осудили Индонезию и потребовали полного соблюдения резолюций Организации Объединенных Наций по Восточному Тимору. Был принят целый ряд других рекомендаций в отношении самоопределения народа Тимора. Эти рекомендации нашли свое отражение в документе Конференции — Лиссабонской декларации, — который впоследствии стал достоянием общечеловечности.

Все возрастающая поддержка правого дела Восточного Тимора, проявившаяся в участии в Межпарламентской конференции по Восточному

Тимору в Лиссабоне 70 членов парламентов и сенаторов со всех континентов, не только продемонстрировала солидарность с народом Тимора, но и стала в определенном смысле проявлением критики в адрес Организации Объединенных Наций, политика которой в этом вопросе не отличается последовательностью.

Эта непоследовательность действий проявляется, в частности, в том, что согласно принципам Устава Организации Объединенных Наций и резолюциям 1514 (XV) и 1541 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 и 15 декабря 1960 года, соответственно, народы самоуправляющихся территорий имеют возможность свободно выбирать независимость, интеграцию с независимым государством или ассоциацию с независимым государством.

Отсутствие последовательности проявляется также в том, что, согласно Принципам, содержащимся в приложении к резолюции 1541 (XV) от 15 декабря 1960 года, самоуправляющаяся территория может достичь полной автономии лишь при условии, во-первых, что интеграция с независимым государством осуществляется на основе полного равенства между народами самоуправляющейся территории и того независимого государства, с которым оно интегрируется, во-вторых, когда интегрированная территория выходит на продвинутый этап самоуправления со свободными политическими институтами, и таким образом народ получает возможность делать осознанный выбор в условиях гласности и демократии, и, в-третьих, когда интеграция является результатом свободного выражения воли народа самоуправляющейся территории, в соответствии с демократическими методами.

Ничего подобного не произошло с момента вторжения и аннексии Восточного Тимора. Наоборот, в результате действий индонезийских вооруженных сил погибло более 200 000 жителей Тимора. Они подвергаются пыткам и задерживают людей безо всяких на то оснований, они насилуют подростков, кроме того, они проводят политику настоящего культурного геноцида посредством, среди прочего, разрушения семейных и социальных структур, путем насаждения иностранного языка и запрета португальского, а также вводя ограничения на свободу католического вероисповедания.

Перед лицом этого массового уничтожения людей на территории под португальским управле-

нием Организация Объединенных Наций, демонстрируя полное отсутствие последовательности, ограничила свою деятельность выработкой резолюций, не предпринимая никаких соответствующих мер по их осуществлению.

Ассоциация защиты Тимора предлагает статью, в соответствии со своими учредительными документами, защитником прав человека и демократии. Мы убеждены, что нарушения прав человека в Восточном Тиморе прекратятся лишь с выводом индонезийских сил с территории и с восстановлением правопорядка.

Ассоциация защиты Тимора, которую основали тиморцы и которую возглавляют тиморцы, требует возвращения Португалии, для того чтобы при содействии Организации Объединенных Наций, других государств и международных организаций процесс деколонизации, который был прерван в результате вторжения и аннексии Восточного Тимора, был бы завершен.

Ассоциация защиты Тимора, опираясь на недавно полученные из Восточного Тимора послания от лидера тиморского сопротивления Шалара Коси, отклоняет любое решение о «специальной автономии Восточного Тимора», а именно об интеграции Восточного Тимора с Индонезией.

Ассоциация защиты Тимора стремится к достижению Восточным Тимором самоопределения, до тех пор пока не будет найдено подлинно справедливое и достойное решение этого вопроса.

С учетом сложившейся ситуации Ассоциация защиты Тимора рекомендует Организации Объединенных Наций обеспечить как можно скорее осуществление следующих мер.

Во-первых, принять представительство Восточного Тимора в Организацию Объединенных Наций, в состав которого вошли бы посланники всех тиморских организаций, признанных управляющей державой в качестве защитников прав человека и справедливой борьбы народа Восточного Тимора.

Во-вторых, открыть территорию Восточного Тимора для журналистов и международных организаций, выступающих в защиту прав человека.

В-третьих, освободить всех тиморских политических заключенных из тюрем Индонезии и Восточного Тимора.

В-четвертых, провозгласить 7 декабря, согласно Лиссабонской декларации, Международным днем Восточного Тимора.

В-пятых, вывести индонезийские вооруженные силы с Восточного Тимора и заменить их полицейскими силами Организации Объединенных Наций.

И в-шестых, осуществить поэтапно положения резолюций Совета Безопасности, касающихся самоопределения народа Восточного Тимора.

Завершая свое выступление, я хотел бы решительно призвать Организацию Объединенных Наций в год празднования ее пятидесятилетия, с учетом недавнего решения Гаагского трибунала относительно незаконной оккупации Восточного Тимора Индонезией, внести свой вклад в дело решения, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, ситуации в Восточном Тиморе.

Петиционер покидает место за столом Комитета.

По приглашению Председателя г-н Уоррен Олманд (Парламентарии в поддержку Восточного Тимора) занимает место за столом Комитета.

Председатель (*говорит по-английски*): Слово предоставляется г-ну Олманду.

Г-н Олманд (Парламентарии в поддержку Восточного Тимора) (*говорит по-английски*): Меня зовут Уоррен Олманд. Я член парламента Канады и являюсь также членом организации «Парламентарии в поддержку Восточного Тимора (РЕТ)». Это международная организация, в состав которой входят более 350 членов парламента, сенаторов и выборных представителей из 50 стран мира. Все члены этой организации выступают в защиту прав человека в Восточном Тиморе и борются за признание своими странами неотъемлемого права народа Восточного Тимора на самоопределение.

Члены организации «Парламентарии в поддержку Восточного Тимора» признают, что народу Восточного Тимора отказано в их праве на самоопределение. Поэтому наша организация приветствует консультации, которые проходят в настоящее время между Португалией и Индонезией под эгидой Генерального секретаря с целью изыскать пути дости-

жения всеобъемлющего урегулирования проблемы. Наша организация приветствует шаги, которые были предприняты с целью привести Португалию и Индонезию за стол переговоров. Тем не менее мы считаем, что эти переговоры приведут к справедливому урегулированию только в том случае, если будет сделано следующее: во-первых, в переговорах должны участвовать представители народа Восточного Тимора, включая тех, кто борется с продолжающейся оккупацией; во-вторых, необходимо положить конец вооруженной активности, которая не позволяет народу Восточного Тимора и его представителям беспрепятственно содействовать переговорам, цель которых самоопределение; в-третьих, необходимо создать международно приемлемые условия для доступа организациям по оказанию помощи и организациям, занимающимся вопросами развития, а также частным лицам, журналистам и дипломатам; и, в-четвертых, в круг переговоров должен входить вопрос об осуществлении акта самоопределения без оказания какого-либо давления, который бы проверялся международными наблюдателями, приемлемыми для народа Восточного Тимора.

В июне этого года свыше 100 членов парламентов из 32 стран встретились в Лиссабоне с целью обсудить проблему Восточного Тимора и выработать план действий. План действий, который получил название Лиссабонской декларации, предусматривал деятельность членов национальных парламентов, а также Организации Объединенных Наций. Я не буду подробно останавливаться на Декларации, поскольку я распространил ее копии среди членов Комитета. Однако я хотел бы кратко затронуть те ее аспекты, которые непосредственно касаются Организации Объединенных Наций.

Члены нашей организации призывают Республику Индонезию выполнить резолюции Организации Объединенных Наций по Восточному Тимору; призывают Организацию Объединенных Наций обеспечить уважение прав человека в Восточном Тиморе; настоятельно призывают Организацию Объединенных Наций и все правительства и парламенты стран, продающие оружие Индонезии, предпринять меры, которые обеспечат ввод международного эмбарго на торговлю оружием; требуют немедленного освобождения Шананы Гужмана и всех политических заключенных, содержащихся в тюрьмах Индонезии и Восточного Тимора; настоя-

тельно призывают государства — члены Организации Объединенных Наций, особенно державы, имеющие влияние в регионе, к сотрудничеству в целях изыскания международно приемлемого решения, которое позволит народу Восточного Тимора осуществить свое неотъемлемое право на самоопределение; просят Организацию Объединенных Наций объявить 7 декабря Международным днем Восточного Тимора; воздают должное трагической истории борьбы героического народа Восточного Тимора за свободу и сохранение своего многовекового самосознания; просят Генерального секретаря призвать правительство Индонезии к выполнению рекомендаций Специального докладчика по вопросу о внесудебных, суммарных и произвольных казнях, которые до сих пор не выполняются; просят Комиссию по правам человека призвать правительство Индонезии направить Комиссии сведения о выполнении Индонезией рекомендаций Специального докладчика; просят Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека посетить Восточный Тимор и представить Генеральному секретарю, Комиссии по правам человека и международному сообществу сведения по вопросу о соблюдении Индонезией положений доклада Специального докладчика о суммарных казнях, зарегистрированных нарушениях прав человека, а также выполнении Индонезией своего долга предоставить народу Восточного Тимора возможность осуществить свое право на самоопределение в соответствии с положениями международного права.

Как хорошо известно Комиссии, существуют многочисленные доклады, в которых подтверждаются факты о грубых, чудовищных и все еще продолжающихся нарушениях прав человека в Восточном Тиморе. Один из таких документов, который еще не опубликован, — доклад посла Канады в Индонезии г-на Лоуренса Дикенсона о его посещении Восточного Тимора в феврале этого года. В этом докладе приводится много важных данных, к которым я хотел бы привлечь внимание членов этого Комитета. Этот документ читается как документ «Международной амнистии», а не как доклад посла Канады. В нем приводятся факты нарушения прав человека. Возможно, именно это делает его таким ценным, к сожалению, и сегодня канадское правительство не придает ему должного значения. Я хочу напомнить, что Индонезия является также экономическим и политическим партнером Канады. В то же время права человека составляют важный компо-

нент внешней политики Канады. Поэтому, учитывая контекст, данный доклад имеет особую значимость.

В докладе отмечается, что это был «визит, вызывающий наибольшую обеспокоенность из всех, совершенных сотрудниками посольства в период после ноября 1991 года». Речь идет о массовых убийствах в Дили, когда индонезийские военные открыли огонь и убили сотни восточнотиморцев, сотни других ранили; до сих пор судьба более 200 человек остается неизвестной. В докладе посольства отмечается, что разгром вооруженными силами в Восточном Тиморе произошел в связи с тем, что главы государств покинули заседание Азиатско-тихоокеанской ассоциации экономического сотрудничества, которое проходило в Джакарте в ноябре 1994 года. Далее в докладе отмечается, что:

«... эти действия включали запугивание, повышенную военную и полицейскую активность, арест и... грубое обращение, а также, после января 1995 года, ряд смертельных случаев, исчезновений и жестоких побоев».

В начале 1995 года посол характеризовал ситуацию в Восточном Тиморе как «резко ухудшающуюся в последнее время». Далее посол указывает на многочисленные аресты, запугивание, побои и пытки задержанных, убийства гражданских лиц, а также на банды «ниндзя», которые терроризируют население Дили. Г-н Дикенсон делает такой вывод:

«... создается впечатление, что силы безопасности пытаются оркестрованными действиями, хотя и плохо скоординированными, нейтрализовать оппозицию индонезийскому правлению в Восточном Тиморе. Несколько наших контактов считают, что ситуация близко напоминает ту, которая предшествовала 12 ноября 1991 года».

Посол Канады посетил все основные районы Восточного Тимора, с тем чтобы дать правительству Канады полную картину ситуации в Восточном Тиморе в области прав человека. Он пишет:

«Что касается убийств в Ликике в январе 1995 года, то согласно самой достоверной информации, шесть человек, убитых в Ликике, были связаны и расстреляны двумя выстрелами, каждый в голову с близкого расстояния».

Когда канадская делегация приехала в Дили, в городе был введен комендантский час в связи с тем,

что банды «ниндзя» терроризировали население. Канадский посол удивился, почему ему советовали не выходить вечером из гостиницы, когда глава военных и полицейских сил утверждал, что слухи о «ниндзя» недостоверны. Посол отмечает:

«... так совпало, что позднее в тот же день начальник полиции объявил, что 12 человек арестованы в связи с действиями «ниндзя», и обстановка на улицах стала безопасной».

В Баукау после того, как было проведено расследование в связи с мятежами 1 января, посол отметил, что число потерпевших, вероятно, значительно выше, чем ранее предполагалось. Канадская делегация также

«... имеет сведения, что проводилась кампания непосредственного оповещения местных жителей, с тем чтобы они не сообщали о пропавших членах семьи. Мы также имеем сведения, что пострадавшие в перестрелке, которых доставили в больницы, были предупреждены либо врачами, либо военными не сообщать никому об истинных причинах их ранений».

Посол отмечает, что в Суайе местные больницы сообщают, что имеются трудности с прививками,

«... поскольку местные жители не доверяют службам здравоохранения, очевидно, в связи с прошлым опытом, связанным с программами контроля над рождаемостью».

В общей сложности, посол делает вывод о том, что в Восточном Тиморе, действительно, военщина проводит карательные операции, что привело к росту нарушений прав человека. Однако на этом доклад кончается, не предлагая никакого выхода из невыносимого положения, которое длится уже почти 20 лет.

Говоря словами решения Международного Суда от 30 июня 1995 года по делу Португалии против Австралии:

«... утверждение Португалии о том, что право народов на самоопределение в том виде, в каком оно вытекает из Устава и из практики Организации Объединенных Наций, носит характер "erga omnes" и безусловно. Принцип самоопределения народов признан Уставом Организации Объединенных Наций и юриспруден-

цией Суда... Это один из основных принципов современного международного права».

Далее Суд подчеркнул:

«..., что для обеих сторон Территория Восточный Тимор остается самоуправляющейся территорией, население которой имеет право на самоопределение».

Самоопределение описывается как право “*erga omnes*”, которое обязательно для всех государств. Это означает, что определение Суда распространяется на Индонезию. Хотя Суд решил в пользу Австралии, это решение подтверждает ключевой момент аргументов Португалии.

В недавнем докладе посла Канады в Индонезии четко показано — и это будет поддержано свидетельскими показаниями, представленными сегодня, — что существуют обширные данные о том, что нарушений прав человека в Восточном Тиморе становится все больше в условиях незаконной индонезийской оккупации. Как дальше показывает решение Международного Суда, Восточный Тимор никогда не имел возможности осуществить свое неотъемлемое право на самоопределение. Поэтому «Парламентарии за Восточный Тимор» призывают Специальный комитет по деколонизации без промедления рекомендовать следующей сессии Генеральной Ассамблеи выдвинуть резолюцию по Восточному Тимору, в которой содержался бы призыв к выводу индонезийских войск и к проведению свободных, справедливых выборов под контролем Организации Объединенных Наций по вопросу о самоопределении. Если Специальный комитет по деколонизации представит такую рекомендацию, то Комитет может быть уверен, что члены организации «Парламентарии за Восточный Тимор» во всех 50 странах, где есть такие члены, будут активно добиваться от представителей Организации Объединенных Наций поддержки такого проекта резолюции.

Я благодарю членов за предоставленную мне возможность выступить перед этим Комитетом и поддерживаю их в достижении цели обеспечения полной деколонизации к 2000 году.

Петиционер покидает место за столом петиционеров.

Заседание закрывается в 13 ч. 10 м.